

УДК 342

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Упоров Иван Владимирович,
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Аннотация

В каждом государстве имеются как органы публичной власти, так и общественные, негосударственные структуры (в виде общественных организаций, политических партий, хозяйствующих субъектов, средств массовой информации, различных фондов и т.д.). Между властными и общественными структурами осуществляется взаимодействие, в том числе происходит информационный обмен в разных формах. В статье исследуются особенности такого рода информационных отношений на различных этапах российской истории, при этом акцент делается на фундаментальных вопросах, когда речь идет о выборе главных векторов развития общества-государства, в том числе находивших отражение в актах конституционного характера, других важнейших документах (в частности, решения КПСС в СССР). Отмечается, в частности, что в период Российской империи власть недооценивала значимости информационных сигналов, посылаемых обществу (населению). А в период советского государства наблюдался противоположный подход властных структур, когда последние под руководством правящей КПСС активно использовали все возможные информационные средства (газеты, журналы, телевидение, книгоиздание, кинематограф, лекции, деятельность общественных организаций и др.) для интенсивной пропаганды коммунистической (социалистической) концепции будущего страны доктрину во всех без исключения СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение, кинематограф и т.д.), однако такая методология оказалась бессильной перед причинами распада СССР в 1991 г. В постсоветской России цифровые информационные средства во многом стали самостоятельным общественным институтом, используемым в своих целях властными и общественными структурами. При этом при недостаточном доверии общества к власти новейшие информационные технологии могут создавать условия для социальной напряженности, в связи с чем необходим диалог и поиск компромисса о свободе и ограничениях цифровой информации.

Ключевые слова: информационные отношения, общество, государство, цифровые технологии, власть, средства массовой информации.

INTERACTION OF AUTHORITIES AND PUBLIC STRUCTURES IN THE INFORMATION SPHERE IN RUSSIAN HISTORY

Uporov I. V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

ABSTRACT

In each state there are both public authorities and public, non-governmental structures (in the form of public organizations, political parties, economic entities, mass media, various funds, etc.). There is interaction between government and public structures, including information exchange in various forms. The article examines the features of this kind of information relations at various stages of Russian history, with an emphasis on fundamental issues when it comes to choosing the main vectors of development of the society-state, including those reflected in constitutional acts and other important documents (in particular, decisions of the CPSU in the USSR). It is noted, in particular, that during the Russian Empire, the authorities underestimated the importance of information signals sent to society (the population). And during the Soviet period, there was an opposite approach of the authorities, when the latter, under the leadership of the ruling CPSU, actively used all possible information means (newspapers, magazines, television, book publishing, cinema, lectures, activities of public organizations, etc.) for intensive propaganda of the communist (socialist) concept of the future of the country doctrine in all media without exception (newspapers, magazines, radio, television, cinema, etc.), but such a methodology turned out to be powerless against the reasons for the collapse of the USSR in 1991. In post-Soviet Russia, digital information media have largely become an independent public institution used for their own purposes by government and public structures. At the same time, given the insufficient trust of society in the authorities, the latest information technologies can create conditions for social tension, in connection with which a dialogue and a search for a compromise on the freedom and restrictions of digital information are necessary.

Keywords: information relations, society, state, digital technologies, power, mass media

В разные периоды российской истории наблюдалось определенное недоверие населения действующим властным структурам, что проявлялось в социальных потрясениях (бунты, протесты, революции). Так, еще в 1916 г., когда Российская империя находилась в состоянии войны, император Николай Второй, он же главнокомандующий, казалось бы, не испытывал проблемы с доверием общества к себе как руководителю государства и соответственно к методам управления, применяемым тогда в разного рода государственных органах. Вот, например, как в «Крымском вестнике» освещали визит императора в Севастополь 12 мая 1916 г. «Севастополь в ожидании прибытия Августейших Гостей, с раннего утра город принял праздничный вид. Жители, празднично одетые, начали собираться в районе Царской пристани и по склонам окружающих возвышенностей. Здание станции "Севастополь" и вокзал декорированы гирляндами зелени ... Депутация от города имела счастье представиться Их Императорским Величествам и Августейшей Семье и поднести хлеб-соль» [1]. Во время визита император посещал военные суда, военный госпиталь и другие учреждения и объекты, и везде к нему относились с почтением и уважением.

Императору присягали все без исключения генералы. И вдруг в начале 1917 г. все поменялось – генералы, по сути, предали императора, от него отвернулись многие вчерашние верные соратники, а сам он будет арестован, а затем и зверски убит вместе со своим семейством. А ведь тогда еще не было цифровых технологий, но каким-то образом

негативная информация об императоре распространилась по всей стране – с такой скоростью, будто бы уже тогда жители России имели мобильники и пользовались интернетом. И что важно заметить, эта информация не была отвергнута большинством общества. Мы можем предположить, что тогда у власти не было достаточных информационных ресурсов и соответствующих пропагандистских и пресс-служб, которые бы доводили до сведения общественности основные решения и действия властей и давали необходимые разъяснения, возможно, в силу оторванности от общества аристократической по своей природе императорской власти, не считавшей нужным нисходить до диалога с народом (и это сейчас, задним числом, можно относить к одной из серьезных ошибок императора).

Для сравнения – в конце XX в. у руководства СССР в лице прежде всего М.С. Горбачева, инициатора печально знаменитой «перестройки» (1985-1991 гг.) были в руках все рычаги власти, и везде, где он появлялся в поездках по стране, ему рукоплескали, окружавшие его члены Политбюро ЦК КПСС и генералитет, образно выражаясь, стояли перед ним по стойке смирно, включая Б.Н. Ельцина, которого он «вытащил» из Свердловска в Москву на высокую руководящую должность. Тогда у высшей советской власти имелись СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение), которые, в отличие от прежних времен, доносили до народа всю нужную информацию, которую власть считала нужным довести до людей. Кроме того, особо следует выделить кинематограф, а также нужно иметь в виду, что и цифровые технологии уже стали проникать в СССР именно при Горбачеве (в завершающий период его властвования). И диалог с народом, казалось бы, имел место. И даже были настоящие всенародные выборы сначала всесоюзного масштаба (1989 г.), а затем на уровне РСФСР (1990 г.). Но и в этом случае все неожиданно резко поменялось: КПСС вместе с Горбачевым было отказано в поддержке как союзными республиками, которые все без исключения вышли из состава СССР, так и гражданами России, которые всенародным голосованием в 1993 г. отвергли советско-социалистический строй и приняли Конституцию России, где исключается какая-либо обязательная идеология и определен курс на рыночную капиталистическую экономику.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько информационные технологии позволяют власти повышать эффективность социального управления, или, напротив, снижают эту эффективность. При этом нужно иметь в виду, что в годы советского государства информационно-технический прогресс не прекращал своего движения вперед, поскольку, как давно доказано, такой прогресс представляет собой имманентное свойство человеческого сообщества, и именно в годы советского государства те же радио и телевидение, как наглядные проявления информационно-технического прогресса, стали важнейшими источниками информации. Но тогда информационно-технический прогресс практически не изменил содержательной составляющей информационных потоков – она как основывалась на абсолютно безальтернативной политико-идейной пропаганде социализма (коммунизма) и советского образа жизни, так и оставалась таковой.

Как видно, информационно-технический прогресс в информационной сфере использовался властью предержавших, в чьих руках было, по сути, ручное управление средствами массовой информации, практически монопольно. Соответственно какой же информационный поток накрывал советских граждан? Концентрированный ответ вполне может дать известный кодекс строителей коммунизма, принятый XXI съездом КПСС в 1961 г. Так, в решении партийного форума указывалось: «Партия считает, что моральный кодекс строителя коммунизма включает такие нравственные принципы: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская

взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку - друг, товарищ и брат ...» [2, с. 54-55]. Нельзя не видеть однозначно позитивной направленности указанной поведенческой установки, которую правящая партия (КПСС) и реализующая ее постулаты советская власть обеспечивали как желаемый образ жизни в советском обществе. При этом правящая советская элита внимательно следила за тем, чтобы иные поведенческие установки не могли влиять на молодежь, которой, собственно, и ставилась задача построить коммунизм.

Так, в 1983 г. на Пленуме ЦК КПСС было сформулировано следующее руководящее указание: «главное в деле воспитания и обучения молодежи ... ярче раскрывать подлинный гуманизм нашей коллективистской морали, вести неотступный бой против бездуховности, эгоизма, мещанства, против любых попыток протащить в нашу среду чуждые взгляды и нравы. В борьбе за социализм и коммунизм на нашей стороне всегда был и есть несомненный моральный перевес. И сегодня нравственная сила советского общества - одно из важных условий наших успехов» [3, с. 18]. Здесь под «чуждыми взглядами и нравами» подразумевались принципы капиталистического общества. На основе такого подхода впитывающие «нужную», определяемую партийными идеологами информацию, советские школьники, юноши и девушки, последовательно, начиная с первого класса, проходили через членство в октябрёнках, пионерах, комсомольцах, участие в тимуровском движении, кружках юных натуралистов, стройотрядах и многих других организованных взрослыми формами деятельности, позволявшим подрастающему поколению чувствовать себя причастным к созданию будущего своей страны. И на этом поприще, бесспорно, было сделано много социально полезного, поскольку изначально были поставлены позитивные цели.

Однако, несмотря на это, как показала история, ни одна искусственно насаждаемая идея, даже самая, казалось бы, справедливая, не приживается в обществе, даже если она монополюбно пропагандируется всеми информационными средствами. Идея коммунизма, несмотря на фундаментально массивные информационные потоки, которые официальная партийно-советская пропаганда обрушивала на сознание советских граждан, так и не получила достаточную поддержку общества. И постепенно возникла ситуация, если иметь в виду школу, когда, например, «учителя и ученики часто не видели в разглагольствовании на темы морального облика строителя коммунизма ничего, кроме набившей оскомину болтовни. Увеличивался разрыв между словом и делом, многое делалось для галочки» [4, с. 141]. Мы не имеем в виду подробно затрагивать данный аспект - отметим лишь, что, на наш взгляд, любая социальная идея априори ограничена в пространстве и времени, поскольку не может охватить, в силу узости человеческого разума и невозможности освободиться от животных инстинктов, всех условий реализации такой идеи. Распад СССР в 1991 г. лишь подтверждает указанный тезис. Здесь мы оставляем в стороне также вопрос о том, случайно или нет это событие совпало с началом информационно-технической революции в виде цифровых технологий, которые стремительно стали врывать в нашу повседневную жизнь. Так, в мире в 1993 г. было всего 130 сайтов, через полтора десятка лет их количество выросло до 1,2 миллиарда, а в настоящее время - около четырех миллиардов пользователей интернета ежедневно потребляют 45 Тб трафика [5], а молодежь практически вся «зависает» в интернете [6]. Глобальная сеть теперь не просто средство коммуникации - она качественно меняет образ жизни человека, хочет он того или нет.

Такого взрывного (по экспоненте) увеличения объема информации, обрушивающейся на человека, не предсказывал, кажется, ни один фантаст. Равным образом это касается возможностей людей, вне зависимости от места нахождения, общаться друг с другом феерическими, вчера еще невероятными способами (электронная почта, социальные сети, мессенджеры, чаты и т.д.). Благодаря цифровым технологиям в сфере

информации в настоящее время мы имеем многократно увеличившийся поток информации на оставшуюся прежней емкость головного мозга человека, и совершенно очевидно, что перерабатывать такой поток информации так же, как ранее, уже невозможно. Это, разумеется, касается и находящихся у власти лиц, которым приходится оперировать несравненно большим объемом информации и, как можно видеть по результатам социально-экономического развития в целом всей России, ее регионов и муниципальных образований, это далеко не всегда получается эффективно. И в этой связи, как нам представляется, требуются новые методы обработки информации. Но достаточного понимания этого во властных структурах, похоже, пока нет. А если учесть, что в органах власти находятся взрослые люди, то, если они (большинство из них) не видят нового качества социальной жизни под воздействием цифровых технологий, и соответственно не изменяют себя, то тем самым они тормозят и другие более молодые поколения.

Это видно, в частности, по образовательным программам (соответствующим федеральным образовательным стандартам) в школах и вузах, где предусматриваются практически те же содержание и методы обучения, что и ранее, до компьютерной эпохи, в частности, студенты в абсолютном своем большинстве по-прежнему, как и много лет назад, слушают на лекциях профессорскую голову, конспектируют вручную в тех же тетрадках, и это при том, что сейчас 100% студентов имеют на руках различные гаджеты (смартфоны, планшеты, ноутбуки и т.д.) и обращаются с большими объемами информации, однако системности в использовании цифровых технологий в вузах нет. В результате, как справедливо отмечается в литературе, «потребляя огромное количество информации, молодые люди зачастую не думают о ее содержании» [7, с. 64]. И это неудивительно, учитывая, что «ценностные ориентации современного поколения российского студенчества формируются в условиях нестабильности форм общественной жизни, экономики, государственного управления, а следовательно, неустойчивости, непрерывно сменяющихся образцов и стандартов социального поведения» [8, с. 14].

Очевидно, во властных структурах недооценивают значимости переживаемой нами информационной революции, и вытекающие из нее последствия во многом пущены на самотек. И в этом смысле информационно-технический прогресс имеет негативную роль, так как обилие информации, которую потребляют люди, не имеет какой-либо определенности (направленности), исходящей от общества и государства. От граждан власть требует соблюдения каких-то правил, а в реальности они видят многочисленные нарушения со стороны самой власти. В этом же контексте Л.И. Зилькорнеева отмечает, что «вседоступность» информации «является соблазном для не до конца культурно-сформированной молодежи превратиться в поколение "интернет-идиотов", не способных к принятию разумных решений или слишком пассивных, чтобы воплощать их в жизнь» [9, с. 121]. Описанное явление, на наш взгляд, требует энергичного вмешательства общественных и государственных структур, причем, не на словах, а на деле, учитывая, что разговоров на эту тему много, а результатов пока не видно. Как нам представляется, правящая элита современной России повторяет ошибки императорской и советской власти, но в иной плоскости - недооценивает важность информационных технологий в управлении социальными процессами (в отличие от экономики и финансов, где эти технологии используются довольно эффективно). Николай II, как мы отмечали, будучи аристократического происхождения, был «страшно далек» от народа, не поняв, что в годы его правления уже пришла эра народовластия. В СССР переоценили значимость коммунистической идеологии.

Сейчас власть в России, как будто из народа (формируется на основе выборов) и не навязывает никакой обязательной идеологии. Однако очень уж много случается злоупотреблений и коррупционных проявлений. И при этом упускается из виду, что современные цифровые технологии не дают возможности для власти предрешающих скрыть

свои неблагоприятные дела, и на просторах интернета все чаще появляются разоблачающие материалы. В ответ власть «закручивает гайки» в сфере пользования некоторыми информационными ресурсами, в частности, это касается замедления платформы «Ютуб» в середине 2024 г. [10], что было воспринято негативно, вероятно, большинством общества. В результате усиливается процесс противостояния власти и общества. Помимо этого, в последние годы наметилось еще одна линия «фронта» - власть активизирует меры по обладанию полной цифровой информацией о гражданах России. Общество не считает такую позицию власти целесообразной, учитывая относительную высокую степень недоверия к власти - ведь неизвестно, в каких целях может быть использована эта информация. В блогосферах уже мелькают даже такие термины, как «цифровой концлагерь», «электронный ГУЛАГ», «цифровая диктатура», которые значительно облегчают репрессировать неугодных власти лиц, в том числе оппозиционеров, а это уже покушение на демократические основы - одно из немногих позитивных завоеваний 1990-х гг. Власть уже протестировала возможности цифровых технологий в тотальном контроле за передвижениями жителей Москвы в период карантинных мероприятий (апрель 2020г.) в связи с распространением коронавирусной инфекции. В данном случае такое использование властью цифровой информации о личности едва ли не каждого москвича имело свое объяснение. Но какую позицию займет власть в дальнейшем? Мы полагаем, что это чрезвычайно важная для будущего России проблема взаимоотношений общества и власти в контексте использования цифровой информации в жизни общества, и на этот счет ведется активная дискуссия [11; 12; 13; 14; 15 и др.]. Важно, чтобы это был открытый диалог с обеих сторон для достижения баланса цифровых свобод и цифровых ограничений - с тем, чтобы цифровые технологии из чисто технической составляющей не трансформировались в новую волну социальных потрясений.

Список литературы:

1. Крымский вестник. Газета политической и общественной жизни. 1916. 12 мая.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1961.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС (14-15 июня 1983г.). М.: Политиздат, 1983.
4. Борисенков В.П. Научно-технический прогресс и проблемы воспитания молодежи // Образование и наука. 2006. № 2. С. 140-144.
5. Казарин П. Жизнь в новой эпохе: скучно не будет. К счастью. К сожалению, // <https://www.obozrevatel.com/abroad/zhizn-v-novoj-epohe-skuchno-ne-budet-k-schastyu-k-sozhaleniyu.htm> (дата обращения - 04.06. 2024).
6. Петрова Е. В. «Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 3-27.
7. Елеусизова С.К., Ахметбекова А.Б., Ни Д.В. Влияние информационных технологий на формирование ценностей современной молодежи // Сборник научных трудов. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 63-65.
8. Ульянова О.А. Реклама как фактор формирования ценностных ориентаций российской студенческой молодежи: дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2009.
9. Зулъкорнеева Л. И. Ценности современной молодежи и научно-технический прогресс // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки. Астрахань, 2014. С. 117-121.

10. Аносова Е. Вернемся к видеокассетам? Грозит ли полная блокировка YouTube в России: отвечают эксперты // <https://ngs42.ru/text/world/2024/08/08/73931597/> (дата обращения: 15.08.2024).
11. Китаев Д.О. Коммуникационная активность региональных органов власти в интернет-пространстве // *Коммуникология: электронный научный журнал*. Том 8. №3. 2023. С. 24-36.
12. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть - общество» / А. А. Максименко [и др.] // *Регионоведение*. 2024. Т. 32, № 2. С. 217-241.
13. Будникова Н.С. – Информационная открытость государства в России: органы исполнительной власти в социальных сетях // *Социодинамика*. 2023. № 6. С. 22-37.
14. Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 848-861.
15. Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т., Зябликов А.В., Максименко А.А. – Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества // *Социодинамика*. 2023. № 10. С. 96-109.

References:

1. Krymsky Vestnik. Newspaper of political and social life. 1916. May 12.
2. Program of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow: Politizdat, 1961.
3. Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (June 14-15, 1983). Moscow: Politizdat, 1983.
4. Borisenkov V.P. Scientific and technical progress and problems of youth education // *Education and Science*. 2006. No. 2. P. 140-144.
5. Kazarin P. Life in the new era: it won't be boring. Fortunately. Unfortunately, // <https://www.obozrevatel.com/abroad/zhizn-v-novoj-epohe-skuchno-ne-budet-k-schastyu-k-sozhaleniyu.htm> (date of access - 04.06. 2024).
6. Petrova E. V. "The Internet is where I have a fire": how do young people feel about the Internet and what importance do they attach to it? // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2024. No. 2. Pp. 3-27.
7. Eleusizova S.K., Akhmetbekova A.B., Ni D.V. The influence of information technology on the formation of values of modern youth // *Collection of scientific papers*. Ekaterinburg: Innovative Center for the Development of Education and Science, 2016. Pp. 63-65.
8. Ulyanova O.A. Advertising as a factor in the formation of value orientations of Russian student youth: diss. ... candidate of social sciences. Volgograd, 2009.
9. Zulkorneeva L. I. Values of modern youth and scientific and technological progress // *Youth scientific forum: social and economic sciences*. Astrakhan, 2014. Pp. 117-121.
10. Anosova E. Let's go back to videotapes? Is a complete blocking of YouTube in Russia at risk: experts answer // <https://ngs42.ru/text/world/2024/08/08/73931597/> (date of access: 15.08.2024)?
11. Kitaev D. O. Communication activity of regional authorities in the Internet space // *Communicology: electronic scientific journal*. Vol. 8. No. 3. 2023. Pp. 24-36.

12. Population's assessment of the effectiveness of digital communication of regional heads in the online dialogue "government - society" / A. A. Maksimenko [et al.] // *Regionology*. 2024. Vol. 32, No. 2. Pp. 217-241.
13. Budnikova N.S. - Information openness of the state in Russia: executive authorities in social networks // *Sociodynamics*. 2023. No. 6. Pp. 22-37.
14. Romashkina A.B., Kirichuk D.A. Political subjectivity of digital actants in the context of ensuring digital sovereignty // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023. Vol. 25, No. 4. Pp. 848-861.
15. Zaitsev A.V., Akhunzyanova F.T., Zyablikov A.V., Maksimenko A.A. - Digital transformation of the public sphere: from offline communication to online dialogue between authorities and society // *Sociodynamics*. 2023. No. 10. P. 96-109.